

КЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ О ФОТІѢ,

ПАТРИАРХЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОМЪ,

ПО ПОВОДУ СОВЕРШИВШАГОСЯ ТЫСЯЧЕЛѢТІЯ

СО ВРЕМЕНИ КОНЧИНЫ ЕГО.

~~~~~
РѢЧЬ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ

ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

12-ГО ЯНВАРЯ 1892 ГОДА

Ординарнымъ Профессоромъ Церковной Исторіи,

ПРОТОІЕРЕЕМЪ

А. М. Иванцовымъ-Платоновымъ.

—————
МОСКВА.

Университетская типогр., Страстной бульв.

1892.

КЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ О ФОТІѢ,

ПАТРИАРХѢ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОМЪ,

ПО ПОВОДУ СОВЕРШИВШАГОСЯ ТЫСЯЧЕЛѢТІЯ

СО ВРЕМЕНИ КОНЧИНЫ ЕГО.

РѢЧЬ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ

ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

12-го января 1892 года

Ординарнымъ Профессоромъ Церковной Исторіи,

ПРОТОІЕРЕМЪ

А. М. Иванцовымъ-Платоновымъ.

BX
395

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

492
66

Къ изслѣдованіямъ о Фотіѣ, патріархѣ Константинопольскомъ, по поводу совершившагося тысячелѣтія со времени кончины его.

«Φώτιος-τὸ μέγα ὄνομα».

Слова историческаго писателя Константина Икономоуса въ сборникъ новогреческаго же писателя Валетты. «Φωτίου Ἐπιστολαί». London. 1864. Προλεγόμενα, σελ. 108.

«Ὁ Φώτιος ἔσωσε τὴν Ὁρθοδοξίαν καὶ τὸ ἔθνος ἐκ τῆς προκειμένης ἀβύσσου».

Слова Христофора Зампелія—въ томъ же сборникъ Валетты, σελ. 112.

«Benedictus Deus, quod optima fama sanctissimi Photii patriarchae non solum in nostram regionem, sed etiam in universam orbem pervenit, non tantum sermonibus confirmata, quantum factis attigit fines terrae...; idque testantur non ii solum, qui linguam graecam profitentur, sed ipsum etiam barbaricum et agreste genus, non esse similem ei sapientia et scientia, neque commiseratione ac largitione in pauperes, neque benignitate et humilitate, et quod semper facta ejus plura sunt, quam dicuntur».

Слова римскихъ легатовъ на константинопольскомъ соборѣ, держанномъ Фотіемъ въ 879—880 г. Harduini Acta Conciliorum. Tomus VI, Pars 1, pag. 339.

«In ihm (Photius) mehr, als eine einzelne Persönlichkeit, eine ganze Nationalität, ein Princip, eine Idee, wie in wenigen Anderen, vertreten ist... Es ist begabteste und füchtigste Repräsentant einer Geistes— und—Lebensrichtung, die lange vor ihm in oströmischen Reiche die höhern und die niederen Schichten durchdrang, die in ihm bereits kulminirte und seitdem nur immermehr sich befestigt, unter steigendem äusseren Elend in weit grösseren Dimensionen sich ausgebreitet hat».

Слова замѣчательнѣйшаго изъ западныхъ писателей о Фотіи—профессора (потомъ кардинала) Гергенретера въ изслѣдованіи его „Photius Patriarch von Constantinopel“. Regensburg. 1867—1869. Vorwort, s. III—IV.

«Первая страница русской исторіи, и самая досто- вѣрная, была написана знаменитымъ цареградскимъ патриархомъ Фотіемъ въ его окружной грамотѣ къ восточнымъ святителямъ, гдѣ строгая и точная правда каждаго слова служила ручательствомъ святой истины дѣла... Патриархъ Фотій справедливо считается свѣти- ломъ учености и образованности... Во все продолженіе существованія греческаго царства, отъ Юстиніана до паденія Византіи, никто не принесъ столько услугъ наукамъ, какъ патриархъ Фотій. При немъ положено начало и славянской образованности въ переводѣ свя- щенныхъ книгъ на славянскій языкъ. Славянскій перво- учитель—св. Кирилъ былъ ученикомъ Фотія».

Слова русскаго историка И. Е. Забѣли- на въ его «Исторіи русской жизни» Москва 1879 г. ч. II, стр. 1—2.

«Пока живъ въ человѣчествѣ научный интересъ, пока не угасло любопытство и стремленье къ самопознанію,—имя Фотія будетъ бессмертно потому, что въ его богословскихъ и философскихъ сочиненіяхъ нашли себѣ завершеніе классическія традиціи, и въ первый разъ выраженъ культурный идеалъ новаго періода византийскаго. Пока раздается на югѣ и востокѣ Европы славянская рѣчь, имени Фотія не суждено умереть между нами, ибо по его почину мы пользуемся благами культуры и церковной свободы».

Изъ рѣчи профессора О. И. Успенскаго, сказанной въ публичномъ засѣданіи Одесскаго историко-филологическаго общества 6 февраля 1891 г. и напечатанной въ журналѣ «Помощь самообразованію». Саратовъ 1891 г. № 3.

«Фотій—нашъ первый историкъ, первый вѣстникъ, первый другъ... Вѣчная память сему боголюбивѣйшему святителю, сказавшему первое справедливое слово о Россіяхъ и положившему начало обращенію ихъ къ Христу Спасителю. Вѣчная память! Αἰώνια ἡ μνήμη».

Слова преосвященнаго Порфирія Успенскаго (доктора еллинской словесности) въ его статьѣ «Тысячелѣтіе первой славы русскаго государства» — Духовная Бесѣда. 1864 г. № 20, стр. 51.

Я предложу высокопросвѣщенному собранію рѣчь о великомъ святителѣ, тысячелѣтняя память котораго была скромно, даже слишкомъ скромно, воспоминаема на православномъ востокѣ—въ греческой и русской церквахъ 6 февраля прошлаго 1891 года. Я буду говорить о константинопольскомъ

патріархъ Фотіѣ, котораго восточные христіане чтутъ, какъ охранителя древняго православія отъ искаженій средневѣковаго латинства и защитника самостоятельности восточной церкви отъ притязаній папства,—котораго въ частности православные греки считаютъ величайшимъ представителемъ своего національнаго генія въ средніе вѣка, а мы русскіе ведемъ отъ него начало нашей исторіи, и вмѣстѣ съ другими славянскими православными племенами почитаемъ его начало—вождемъ христіанскаго просвѣщенія нашего.

Я не буду раскрывать послѣдовательно исторію жизни патріарха Фотіа, ни вдаваться подробно въ разсмотрѣніе историческаго значенія его личности и дѣятельности. Это—задача слишкомъ широкая и сложная; можетъ быть, она была бы и не въ мѣру нашимъ слабѣющимъ силамъ, и во всякомъ случаѣ не соотвѣтствовала бы тѣмъ предѣламъ времени и другимъ условіямъ, какими мы здѣсь можемъ пользоваться. При томъ, какъ это ни можетъ показаться страннымъ, но на самомъ дѣлѣ такъ: хотя со времени кончины патріарха Фотіа протекла уже тысяча лѣтъ, но для твердыхъ сужденій о немъ и теперь еще не приспѣло время. Для исторіи Фотіа имѣется громадная масса матеріала, но этотъ матеріалъ до крайности затемненъ и перепутанъ; о Фотіѣ писано множество изслѣдованій, но самая почва въ этихъ изслѣдованіяхъ остается еще слишкомъ зыбкою, засоренною разными предубѣжденіями и искаженіями; приемы для изслѣдованія самые тенденціозные и искусственные; потому и въ выводахъ крайній произволь и противорѣчія. При такомъ положеніи дѣла наиболѣе твердою задачей науки относительно Фотіа, по нашему убѣжденію, остается—лучше разобратъ въ матеріалъ, освѣтить поле для правльнаго изслѣдованія, по возможности—расчистить почву отъ предубѣжденій и искаженій, установить твердые научные приемы изслѣдованія или, по крайней мѣрѣ, устранить ложные, искусственные, путающіе дѣло. Вотъ эту то задачу мы и постараемся имѣть въ виду, насколько то поз-

волятъ наши силы, знанія и всякія внѣшнія условія, въ настоящей рѣчи и предположенныхъ къ ней приложеніяхъ*.

Прежде всего нужно разобрать первоначальные источники для исторіи Фотія, оцѣнить ихъ историческое значеніе и выяснитъ взаимныя отношенія между ними. Это требуется во всякомъ серьезномъ историческомъ трудѣ и въ особенности въ изслѣдованіи исторіи Фотія: такъ какъ здѣсь дѣло представляется искаженнымъ и запутаннымъ въ самыхъ источникахъ. Между тѣмъ въ западныхъ литературахъ этотъ вопросъ иными изслѣдователями какъ-будто намѣренно устраняется и затемняется, а другими возбуждается, но оставляется нерѣшеннымъ; у восточныхъ же писателей — греческихъ и русскихъ — есть довольно смѣлая и твердая попытка постановки этого вопроса, но неполныя, не доведенныя до конца**.

---

* Вслѣдствіе особенныхъ условій, въ виду которыхъ приходится намъ составлять свое изслѣдованіе о Фотіѣ, мы находимся въ необходимости дать ему своеобразную форму. Чтобы не обременять вниманія слушателей при устномъ произнесеніи рѣчи, мы въ текстъ ея вносимъ лишь самыя общія положенія, краткій абрисъ того содержанія, какое предполагаемъ раскрыть въ изслѣдованіи; разъясненіе же подробностей, разсмотрѣніе отдѣльныхъ вопросовъ напечатанъ послѣ въ отдѣльныхъ примѣчаніяхъ къ рѣчи. Тамъ читатели найдутъ всѣ необходимыя ссылки, цитаты, подтвержденія, разъясненія на положенія, высказываемыя въ рѣчи. Тамъ мы постараемся дать сильное разсмотрѣніе самыхъ запутанныхъ вопросовъ Фотіевой исторіи, которые въ отдѣльности стоятъ цѣлыхъ большихъ изслѣдованій.

*** Опыты критическаго отношенія къ источникамъ Фотіевой исторіи въ русской литературѣ можно находить преимущественно въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: 1) А. Н. Муравьева «Правда Вселенской Церкви». СПБ. 1841 г. стр. 122—184. Это первое обстоятельное изложеніе исторіи Фотія въ русской литературѣ, не совсѣмъ полное и составленное при пособіи иностранныхъ изслѣдованій, по по критическому отношенію къ источникамъ оставляющее за собою большую часть западныхъ сочиненій объ этомъ предметѣ. 2) Филарета, архіепископа черниговскаго «Историческое ученіе объ отцахъ Церкви». СПБ. 1859 г. Т. III. §§ 281—286. Здѣсь на 27 страницахъ самаго сжатого изложенія разсѣяно много краткихъ отрывочныхъ, но весьма мѣткихъ и цѣнныхъ (къ сожалѣнію, плохо прокорректирован-

Изложение Фотиевой истории не только у западных писателей—католических и протестантских, но въ значительной

ныхъ) замѣчаній относительно источниковъ и самыхъ фактовъ Фотиевой истории. 3) Харьковскаго профессора Зернина «Очеркъ жизни константинопольскаго патріарха Фотія», изслѣдованіе, напечатанное въ Чтеніяхъ императорскаго общества истории и древностей российскихъ, издав. при московскомъ университетѣ 1858 г. кн. III, потомъ вышедшее и отдѣльною брошюрой; составлено самостоятельно по первоначальнымъ источникамъ (только не всѣ они приняты во вниманіе авторомъ) и съ критикою, хотя и не глубокою. 4) Проф. Лавровскаго «Кириллъ и Меѳодій, православные проповѣдники у западныхъ славянъ—въ связи съ современною имъ исторіею церковныхъ разногласій между востокомъ и западомъ». Харьковъ. 1863. Авторъ лишь по соприкосновенію съ главнымъ предметомъ изслѣдованія касается истории Фотія и его отношеній къ римской церкви, но взятыя имъ стороны предмета разсматриваются весьма основательно, и при этомъ высказывается нѣсколько мѣткихъ замѣчаній относительно нѣкоторыхъ источниковъ Фотиевой истории. Подобное же нужно сказать и о другомъ, болѣе позднемъ сочиненіи, касающемся того же предмета: М. И. Солодова «Изъ древней истории болгаръ». СПб. 1879 г. 5) Иеромонаха Герасима Яреда (нынѣ митрополита севельскаго) «Отзывы о св. Фотіѣ, патріархѣ константинопольскомъ, его современникахъ—въ связи съ исторіею политическихъ партій въ византійской имперіи» въ Христіанскомъ Чтеніи 1872 и 1873 г.; издано было и отдѣльною книгой, но, вѣроятно, въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ. Здѣсь представляется самое основательное сравнительно со всѣми другими послѣдованіями о Фотіѣ, являвшимися и въ русской и въ иностранныхъ литературахъ, обзоръ источниковъ для истории Фотія; но и здѣсь разсмотрѣны не всѣ источники и не совсѣмъ въ ясномъ порядкѣ. 6) Проф. москов. академіи А. П. Лебедева. Онъ касался истории Фотія въ четырехъ сочиненіяхъ: а) римскіе папы въ ихъ отношеніяхъ къ церкви византійской въ IX—XI вв. Москва. 1875 г. б) Церковь римская и византійская въ ихъ взаимныхъ догматическихъ и обрядовыхъ спорахъ въ IX—XI вѣкахъ. Москва 1875 г. в) Очерки внутренней истории византійской восточной церкви въ IX—XI вв. Москва. 1878 года г) История константинопольскихъ соборовъ IX вѣка. Москва 1888 г. Предварительно эти изслѣдованія печатались въ духовныхъ журпалахъ: первыя три въ Чтеніяхъ общества любителей духовнаго просвѣщенія, въ семидесятыхъ годахъ; послѣднее въ Душеполезномъ Чтеніи 1887 г. Для критики источниковъ Фотиевой истории имѣютъ болѣе значенія первое и послѣднее изъ означенныхъ сочиненій. Изъ сочиненій о Фотіѣ, напечатанныхъ по поводу празднованія его тысячелѣтняго юбилея въ прошломъ

степени и у нашихъ православныхъ, представляетъ ту особенность, что въ основаніе ея полагаются свѣдѣнія и сужде-

---

году, помимо многихъ рѣчей, произнесенныхъ въ разныхъ торжественныхъ собраніяхъ, можно назвать два серьезныхъ изслѣдованія: а) Харьковского профессора И. В. Платонова «Патріархъ Фотій» Москва. 1891 г. и священника В. Х. Преображенскаго рядъ статей подъ тѣмъ же заглавіемъ напечатанныхъ въ журналѣ Странникъ 1891. Эти изслѣдованія не далеко удаются въ бритуку источниковъ исторіи Фотія, и въ первомъ изъ нихъ довольно много ошибокъ, описокъ и опечатокъ: но въ нихъ хорошо разбираются положительныя стороны Фотіевой исторіи. Еще довольно сжато излагается эта исторія въ статьяхъ г. О. Стукова въ Православномъ Собесѣдникѣ 1891 г.; но здѣсь встрѣчаются странныя ошибки и сомнительное отношеніе къ источникамъ.

Въ новогреческой литературѣ при критикѣ источниковъ и разработкѣ исторіи Фотія, особенно нужно обратить вниманіе на слѣдующія изданія: 1) Сборникъ, составленный іерусалимскимъ патріархомъ Досифеемъ, и изданный епископомъ римскимъ въ Румыніи Анѳимомъ «Τόμος, χαρᾶς, ἐν ᾧ περιέχονται αἱ ἐπιστολαὶ Φωτίου, τοῦ ἁγιστάτου Πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως; ἡ ἀγία καὶ οἰκουμένη δόξα Συνόδου, σημειώσεις τινές εἰς ταύτην τὴν ἁγίαν Συνόδον..., τυπωθεὶς ἐν τῇ ἐπισκοπῇ Ῥημνίκου... ἐν ἔτει αψέ». Это очень рѣдкое изданіе, о которомъ самые замѣчательные на западѣ собиратели церковныхъ памятниковъ говорятъ, что они не могли достать его никакими усиліями и ни за какія деньги (Migne Patrologiae cursus. Series graeca. T. 101 Praefatio, pag. VIII), существуетъ, вѣроятно, не въ одной русской библіотекѣ. Мы просматривали его по экземпляру, поступившему отъ ростовскаго архіепископа Арсенія Мацѣвича въ библіотеку московской духовной академіи. 2) Сочиненіе о происхожденіи и причинахъ раздѣленія церквей, писанное въ началѣ прошлаго столѣтія Кефалонійскимъ епископомъ Ильєю Минятіемъ подъ заглавіемъ «Камень соблазна (Πέτρα σκανδάλου)». Существуетъ въ двухъ русскихъ переводахъ: Писарева. СПб. 1783 г. и Ловягина. 1854. Здѣсь впрочемъ еще очень слабыя зачатки критики источниковъ и фактовъ Фотіевой исторіи. 3) Ильи Тиндалда. Παπιστικῶν ἐλέγχων Τόμος Α. Это сборникъ наиболее замѣчательныхъ полемическихъ сочиненій противъ латинства, имѣющихся въ новогреческой литературѣ, оригинальныхъ и переводныхъ. Начало изданія въ 1850 г.; мы видѣли изданными три тома. Въ началѣ 1-го тома предисловіе, въ которомъ довольно по исторіи Фотія 4) Софоела Икономоса «Τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Φωτίου Πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως Ἀμφιλόχια. Ἀθήνησι. ΑΘΝΗ. (1858 г.). Это изданіе посвящено русскому императору Александру Николаевичу, «державнѣйшему охраня-

нія лицъ, явно пристрастныхъ и прямо враждебныхъ къ Фотію. Научно ли это, справедливо ли это?

телю православія». Прологомена содержатъ подробное обзорѣніе западной литературы о Фотіѣ, съ критическимъ изложеніемъ памятниковъ и главныхъ фактовъ Фотіевой исторіи. 5) Іоанна Валетты «Φωτίου τοῦ σοφιστάτου καὶ ἀγιοτάτου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως Ἐπιστολαί.., London. 1864. Это лучшее изданіе писемъ Фотія съ основательнымъ изложеніемъ его біографіи (въ прологеменахъ), и съ приложеніемъ въ концѣ двухъ краткихъ сочиненій, важныхъ для исторіи и полемики съ латинствомъ... У новыхъ греческихъ писателей есть еще указанія на изслѣдованія о Фотіѣ А. Δημητράκοπούλου (Λείψια 1867), и Ζάνου (Κωνσταντινουπόλει. 1884); но первое не имѣетъ большаго значенія, а послѣдняго мы не видѣли.

Западная литература представляетъ великое множество изслѣдованій о Фотіѣ (аббатъ Минь, приступая къ изданію сочиненій Фотія еще въ 1860 г. заявлялъ, что такіа изслѣдованія едва возможно и перечислить (Patrologiae T. 101, Proleg X). Но въ этомъ множествѣ изслѣдованій очень немного такихъ, которыя вѣдутся въ основательную и безпристрастную критику источниковъ. Какъ на болѣе заслуживающія вниманія въ этомъ отношеніи, нужно указать на слѣдующія: Якова Васажа замѣчанія на Баронія и Маймбурга. Histoire de l'Eglise. T. I. стр. 324 и далѣе; также Lectiones Canisii. T. II. Pars II. стр. 375; Флери Histoire de l'Eglise Livre L—LIII; особенно съ примѣчаніями нѣмецкаго переводчика. Frankfurt und Leipsig. 1711. T. VII; Каве Historia litteraria. Saecul. XI. Geneve. 1720; Казмира Удина Commentarius de scriptoribus ecclesiasticis Lipsiae 1722. T. I. pag. 201—217; Монтакуція предисловіе и примѣчанія къ изданію писемъ Фотія. London. 1651 г. Ганкія De scriptoribus rerum bysantinorum. Lipsiae, 1677, Pars I, Cap. 18; (здѣсь наиболѣе осторожное и безпристрастное сопоставленіе источниковъ Фотіевой исторіи — только опять не всѣхъ, — въ западной литературѣ): Гейнекція — Abbildung der griechischen Kirche. Leipzig. 1711. Th. I. c. III § 17, IV, § 2—3; Фабриція Bibliotheca graeca. Editio Garles — Hamburg. 1809. Volum X, XI, XII; Фонтаны Novae Deliciae eruditorum. Venetiis. 1785 г. T. I. (Намъ не удалось видѣть этого изданія; знаемъ его только по ссылкамъ Гарлеса-Фабриція, Фларета Черниговскаго, Соф. Икономоса, Валетты, Гергенретера, Даніэли; изданно въ концѣ прошлаго вѣка, оно уже къ половинѣ нынѣшняго сдѣлалось большою рѣдкостью; Соф. Икономосъ думаетъ, что экземпляры его были собираемы іезуитами для сожженія; судя потому, съ какимъ озлобленіемъ отзываются о немъ даже и умѣренные палисты—Migne Patrologia graeca Cl. Praefatio IX, можно думать, что оно очень значительно. Церковныя исторіи Шрекка. Неандера, Куртца, Гфререра, Гергенретера

До насъ сохранилось довольно свѣдѣній о патриархѣ Фотіѣ отъ его соотечественниковъ—византійскихъ грековъ, современныхъ ему, или жившихъ въ близкое къ нему время, но проникнутыхъ крайне враждебнымъ отношеніемъ къ нему и старавшихся всячески чернить его. Это—или лица, принадлежавшія къ оппозиціонной Фотію церковно-іерархической партіи въ Константинополѣ и ведшія съ нимъ фанатическую борьбу въ теченіе многихъ лѣтъ, — или лица, писавшія въ угоду тогдашнему византійскому правительству македонской династіи, которое имѣло свои причины превратно представлять

въ соответствующихъ частяхъ и отдѣлахъ; *Исторія Соборовъ* Геффеле — *Consiliengeschichte*. Freiburg. B. IV; *Damberger — Synchron: Geschichte d. Kirche und der Welt*. Regensburg. 1850. Bd. III, Kritikheft 2. Специальныя изслѣдованія о Фотіѣ и раздѣленіи церкви: Пихлера *Geschichte der Kirchentrennung*, München, 1864, T. I, 180—203; Гергенретера *Photius Patriarch von Constantinopel*, T. I—III, Regensburg, 1867—1869 г. (самое большое и самое ученое, болѣе двѣнадцатилѣтнее подготовлявшееся, но далеко не безпристрастное, изслѣдованіе о Фотіѣ); статьи о Фотіѣ въ большихъ нѣмецкихъ энциклопедіяхъ Ерша и Грубера (хорошая статья Даніэля въ XXV T. h.) и у Герцога (статья Гасса, знатока византійской средневѣковой письменности, но съ значительными ошибками и не правильными сужденіями), въ англійскомъ біографическомъ словарѣ Смита и т. д. *Wladimir Guettée Histoire de l'Eglise* T. VI, chap. 4. Paris 1889; переведено на русскій языкъ въ журналѣ «Вѣра и Разумъ», 1888—1889 гг. Это сочиненіе и другія того же автора «la parauté herétique, la parauté schismatique» — занимаютъ особенное положеніе въ западной литературѣ. Авторъ—бывшій католическій священникъ, обратившійся въ православіе въ шестидесятыхъ годахъ, докторъ православнаго богословія, неутомимый писатель, издавшій болѣе тридцати томовъ сочиненій по церковной исторіи. Въ нихъ несомнѣнно высказывается большая ученость и горячая ревность о православіи, но не всегда спокойное и строго уравновѣшенное отношеніе къ предмету.

Другія сочиненія о Фотіѣ, менѣе имѣющія значенія для критики источниковъ, мы будемъ указывать, гдѣ нужно, въ дальнѣйшихъ примѣчаніяхъ; а въ концѣ изслѣдованія представимъ по возможности цѣльный очеркъ литературы о Фотіѣ, съ обозначеніемъ наиболѣе значительныхъ фазъ въ ея развитіи и различныхъ въ ней направленій.

Другія примѣчанія къ Рѣчи будутъ напечатаны въ отдѣльномъ изданіи ея.

нѣкоторые факты Фотіевой исторіи, или просто фанатики и обскуранты, не могли сочувствовать просвѣщеннымъ взглядамъ и стремленіямъ Фотія, или лица, проникнутыя папистическими тенденціями, первымъ и самымъ сильнымъ противникомъ которыхъ является въ исторіи патріархъ Фотій — величайшее преступленіе, котораго, по мнѣнію папистовъ, не могутъ покрыть никакія знанія, никакія добродѣтели, никакое благочестіе. Большею частію всѣ эти черты сливаются и отражаются у писателей, враждебныхъ Фотію, — только у иныхъ преобладаютъ однѣ, у другихъ другія.

Къ первой категоріи біографовъ Фотія принадлежатъ три писателя, не только примыкавшіе къ враждебной Фотію церковно-іерархической партіи, но стоявшіе во главѣ ея, и въ теченіе многихъ лѣтъ руководившіе борьбою этой партіи противъ Фотія. 1) Θεογνοῦς, архимандритъ изъ студійскаго монастыря, по низложеніи предшественника Фотіева патріарха Игнатія и возведеніи на его престоль Фотія, бѣжавшій въ Римъ, и тамъ въ 862 году представившій отъ имени Игнатія и его приверженцевъ доносъ на Фотія въ неправильномъ будто бы захватѣ патріаршаго престола и въ преслѣдованіяхъ, воздвигнутыхъ на Игнатія и приверженцевъ его, не хотѣвшихъ подчиниться новому патріарху. Этотъ доносъ принимается, какъ первый источникъ свѣдѣній о начальныхъ годахъ патріаршества Фотіева. 2) Μιτροφάνης, митрополитъ смиренскій, одинъ изъ главныхъ вождей оппозиціонной Фотію партіи, едва ли не мечтавшій самъ по низложеніи Игнатія быть на мѣстѣ, занятомъ Фотіемъ; потомъ выступившій противъ него однимъ изъ выдающихся обвинителей и судей на константинопольскомъ соборѣ 869 года, на которомъ, какъ извѣстно, положены были Фотію порицанія и проклятія, изумляющія своимъ фанатизмомъ и кощунствомъ. Его письмо какому то патрицію Мануилу, спрашивавшему Митрофана о причинахъ низложенія Фотія на соборѣ 869 года, письмо, представленное потомъ въ Римъ вмѣстѣ съ актами означеннаго собора, представляетъ, съ своей конечно точки зрѣнія,

факты вступленія Фотія на престолъ и его перваго управленія константинопольскою церковью. 3) Стилiанъ, митрополитъ неокесарійскій. Это—самый закоснѣлый изъ враговъ Фотія, вмѣстѣ съ Митрофаномъ выступившій противъ него при самомъ вступленіи Фотія на патриаршій престолъ въ 858 году, и ведшій съ нимъ ожесточенную борьбу до вторичнаго удаленія Фотія отъ патриаршества въ 886 году. По удаленіи Фотія императоромъ Львомъ, Стилiанъ, какъ глава враждебной Фотію партіи, явился по порученію императора посредникомъ къ возстановленію сношеній съ римскою церковью, прервавшихся при Фотіѣ, цѣною опозоренія памяти Фотія,—и его письмо, писанное по этому поводу къ папѣ Стефану и наполненное самыми изувѣрными инсинуаціями противъ Фотія, принимается по преимуществу, какъ источникъ свѣдѣній для исторіи Фотія послѣ 869 года.

Стоитъ между прочимъ обратить вниманіе и на то, что всѣ три означенныя писанія предназначались главнымъ образомъ для Рима, и поэтому должны были приспособляться къ воззрѣніямъ и тенденціямъ, распространявшимся тогда въ Римѣ. И дѣйствительно, всѣ они, особенно донесеніе Θεогноста и письмо Стилiана, до такой степени наполнены папистическими воззрѣніями и даже выраженіями, что ихъ нельзя принять не только за выраженіе воззрѣній всей восточной церкви, но даже и той партіи въ ней, отъ имени которой они представлялись въ Римъ.

За главными вождями анти-Фотіевой партіи слѣдуютъ ихъ ученики, проникнутые тѣми же воззрѣніями, воспитавшіеся въ духъ того же фаяатизма, и даже иногда превосходящіе въ немъ своихъ учителей. Отъ нихъ осталось намъ также нѣсколько сказаній о Фотіѣ. Самое выдающееся изъ нихъ—повѣствованіе Никиты Паелогонянина, совмѣщающее показанія Θεогноста, Митрофана и Стилiана, съ нѣкоторыми уклоненіями отъ нихъ и съ присоединеніемъ множества странныхъ вымысловъ и басней, заимствованныхъ, вѣроятно, изъ рассказовъ невѣжественной толпы, а можетъ быть и намѣренно

сочиненныхъ въ той средѣ, въ которой воспитался авторъ. Къ особенностямъ его разсказа сравнительно съ предшествовавшими принадлежитъ еще то, что авторъ принадлежалъ къ той школѣ средневѣковыхъ византійскихъ агіологовъ — легендаристовъ, которая не знала мѣры ни въ похвалахъ, ни въ порицаніяхъ описываемымъ лицамъ, и у которой основнымъ приѣмомъ повѣствованія было употребленіе антитезы т.-е. восхваленіе чтимыхъ личностей чрезъ униженіе и опозореніе другихъ, имъ противопоставляемыхъ. Такой именно приѣмъ примѣняется Никитою къ личностямъ патріарховъ Игнатія и Фотія. Никита собственно желаетъ восхвалить жизнь и подвиги блаженнаго Игнатія, и восхваляетъ ихъ иногда довольно неумѣло. Но, главнымъ образомъ, повѣствованіе Никиты относится не къ Игнатію, а къ Фотію, котораго Никита старается представить и честолюбцемъ, и интриганомъ, и деспотомъ, и человѣкомъ, способнымъ на всевозможные обманы и преступленія, хотя при этомъ онъ же невольно проговаривается, что Фотій былъ человѣкомъ, обладавшимъ очень большими достоинствами и заслугами. Повѣствованіе Никиты написано живо и красно, по крайней мѣрѣ—въ риторическомъ смыслѣ, съ видимою прямою и искренностью, хотя и находится въ немъ не мало слѣдовъ намѣреннаго извращенія фактовъ.

За Никитою ближайшимъ образомъ слѣдуютъ авторъ другаго сокращеннаго панегирика патріарху Игнатію — монахъ Михаилъ и излагатель жизнеописанія находившагося во враждѣ съ Фотіемъ игумена студійскаго Николая. Сюда же, а отчасти къ Стиліану примыкаютъ авторы двухъ безымянныхъ пасквилей на Фотія, изъ которыхъ одинъ писанъ былъ послѣ того, какъ Фотій на соборѣ 879 года успѣлъ возобновить церковное общеніе и съ римскимъ папою Іоанномъ VIII и съ большею частію игнатіевыхъ приверженцевъ, а другой уже послѣ смерти Фотія. Эти пасквили въ изложеніи фактовъ всего болѣе держатся на почвѣ Стиліанова повѣствованія съ тою лишь разницею, что авторъ, перваго пасквиля

даже и римскую церковь къ лицѣ папы Іоанна VIII упрекаетъ за вѣроломно-списходительное отношеніе къ Фотію, а второй порицаетъ за такое же списхождение къ партіи Фотія и самаго Степіана.

Другую группу писателей также (хотя и въ меньшей степени) неблагопріятно относящихся къ Фотію представляютъ византійскіе государственные историки, описывавшіе царствованія императоровъ македонской династіи. Во главѣ ихъ стоитъ порфиродный лѣтописецъ Константинъ, внукъ Василя Македонскаго, послѣ Фотія едва ли не самый ученѣйшій писатель той эпохи. Онъ желалъ воздвигнуть памятникъ дѣду и родоначальнику своей династіи: поэтому понятно, что составленная имъ біографія Василя Македонскаго представляетъ собственно панегирикъ, въ которомъ тенденціозно выставляются на первый планъ всѣ свѣтлыя и оставляются въ тѣни или и совсѣмъ обходятся молчаніемъ темныя стороны личнаго характера и царствованія перваго государя македонской династіи, ознаменовавшаго себя и славными дѣянiami и позорнѣйшими преступленіями. О патріархѣ Фотіѣ, помимо обстоятельствъ перваго возведенія его на патріаршій престолъ, Константинъ Порфиродный отзывается съ большимъ уваженіемъ, но очень сдержанно. Онъ называетъ его человекомъ мудрѣйшимъ (σοφώτατος), въ которомъ Василій читилъ всякаго рода мудрость и добродѣтель (τιμὴν διὰ τὴν ἐν αὐτῷ παντοδαπὴν σοφίαν τε καὶ ἀρετήν), но котораго онъ временно долженъ былъ устранить отъ престола, дабы утишить возникшій изъ за него мятежъ церковный, послѣ же законно и канонически возвратилъ церкви, поселивъ его въ своемъ царскомъ дворцѣ и сдѣлавъ воспитателемъ своимъ дѣтей. Но такъ какъ при этомъ Порфирородный историкъ, дабы оправдать своего дѣда въ преступной узурпаціи и въ убійствѣ предшествовавшихъ правителей Византіи—кесаря Варды и императора Михаила III, старается всячески очернить того и другого, представляя Варду крайнимъ честолюбцемъ, деспотомъ, злоумышленникомъ, а Михаила государемъ совершенно

ни на что неспособнымъ, еще съ десяти лѣтъ развращеннымъ, пьянымъ кощунникомъ, непочтительнымъ къ матери, совершенно небрегшимъ о благѣ имперіи (такъ что Василій Македонскій по справедливости и по особеннымъ предназначеніямъ промысла Божія является у внука—панегериста избавителемъ имперіи отъ такихъ гнусныхъ тирановъ): то чрезъ это сами собою бросаются мрачныя тѣни и на патріарха Фотія, выдвинувшагося при Вардѣ и Михаилѣ и находившагося къ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ.

Въ тонѣ и направленіи, данномъ Порфиророднымъ, пишутъ и другіе современные ему и по его порученію составлявшіе свои рассказы византійскіе хронографисты— анонимный продолжатель лѣтописи Теофана (*Theophanis continuator*) и Іосифъ Генезій. Но у нихъ уже нѣтъ разумѣнія и сдержанности Порфиророднаго. Стараясь всячески восхвалить первыхъ государей македонской династіи и опозорить послѣднихъ представителей низвергнутой ею амморейской, они наполняютъ свои рассказы крайне сомнительными и пустыми анекдотами, расписывая такіе анекдоты не только про Варду и Михаила, но и про поставленнаго при нихъ патріарха Фотія.

Во второмъ поколѣніи византійскихъ историковъ македонской эпохи, писавшихъ послѣ Порфиророднаго, по отношенію къ личности патріарха Фотія начинается раздвоеніе. У Симеона магистра, въ наиболее извѣстной редакціи его хроники, нелѣпое и несправедливое отношеніе къ Фотію достигаетъ апогея. Это поистинѣ такой писатель, у котораго страсть придворнаго лѣтописца къ собиранію мелкихъ и грязныхъ сплетней сочетается съ напыщеннымъ фанатизмомъ агіолога-легендариста, злостное отношеніе къ Фотію его личныхъ враговъ—Митрофана и Стиліана съ суевѣріемъ и невѣжествомъ Никиты Пафлагонскаго. У другого современнаго Симеону лѣтописца—Георгія монаха, или его продолжателя, замѣчается болѣе мягкое отношеніе къ Фотію. Это самый безпристрастный изъ повѣствователей той эпохи. Но его рассказъ, остающійся всетаки на той же почвѣ, на какой держа-

лись его предшественники, притомъ краткій, сухой, въ иныхъ мѣстахъ неясный, не можетъ дать твердаго противовѣса многочисленнымъ показаніямъ другихъ писателей, клеветавшихъ на Фотія по особымъ видамъ и тенденціямъ.

Къ указаннымъ греческимъ описателямъ дѣяній Фотія примыкаетъ еще одинъ латинскій писатель, отъ котораго, повидному, мы могли бы ожидать болѣе осмысленныхъ и безпристрастныхъ свѣдѣній. Это—Анастасій, бібліотекаръ римской церкви, человекъ умный, образованный, на мѣстѣ въ Константинополѣ собравшій свѣдѣнія о Фотіѣ и въ качествѣ посла германскаго императора Людовика къ Византійскому Василію Македонскому бывший свидѣтелемъ суда надъ Фотіемъ на соборѣ 869 года. Вотъ эти-то свѣдѣнія и изложилъ онъ въ видѣ предисловія къ переведеннымъ или передѣланнымъ имъ актамъ собора 869 года для представленія папѣ Адриану II. Но одно это назначеніе его труда—представить дѣла Фотія въ такомъ видѣ, чтобы это было согласно съ мнѣніями собора 869 года, и чтобы это могло понравиться папскому двору, заставляетъ осторожно относиться къ его показаніямъ. И если это тотъ-же Анастасій, которому приписывается панегирикъ злѣйшему врагу Фотія—папѣ Николая I-му, если это тотъ же Анастасій, котораго только что передъ помянутымъ константинопольскимъ соборомъ судили въ Римѣ за убійства, грабежи и подлоги, и если самая миссія его ко двору германскаго императора и затѣмъ въ Константинополь была устроена для того, чтобы дать ему возможность очистить себя отъ положенныхъ на него римскимъ соборомъ обвиненій: то тѣмъ болѣе, конечно, нужно относиться осторожно къ сообщаемымъ отъ него свѣдѣніямъ. Въ своемъ описаніи, повторяя многія басни, распространенныя о Фотіѣ его константинопольскими противниками, и присоединяя къ нимъ нѣкоторыя собственные измышленія въ томъ же родѣ, Анастасій старается показать видъ сдержанности и безпристрастія, не скрываетъ нѣкоторыхъ лучшихъ сторонъ въ личности и жизни Фотія, намекаетъ на иные такіе факты, которые совершенно

не мирятся съ показаніями другихъ писателей противной Фотію партіи: но при всемъ томъ общій тонъ его повѣствованія по отношенію къ Фотію злостный—непріязненный, не уступающій въ иныхъ мѣстахъ повѣствованіямъ Никиты и Симеона и доносамъ Θεогноста и Стиліана.

Да позволено будетъ спросить серьезныхъ историковъ и ученыхъ юристовъ, здѣсь присутствующихъ, можно ли въ сужденіяхъ и приговорахъ о комъ бы то ни было, а тѣмъ болѣе о великомъ историческомъ дѣятелѣ, полагать въ основу свидѣтельства лицъ, явно пристрастныхъ и крайне враждебныхъ къ нему,—притомъ такихъ лицъ, которыя и по нравственнымъ качествамъ и по умственному уровню неспособны даже и понимать того великаго историческаго дѣятеля, котораго берутся судить?...

Взглянемъ нѣсколько ближе въ содержаніе названныхъ повѣствованій. Прежде всего мы встрѣчаемъ въ нихъ такіе рассказы, которые сами по себѣ, по своей странности и нелѣпости, возбуждаютъ недовѣріе, рассказы крайне баснословные и суевѣрные, которые могутъ характеризовать не лицо, котораго они касаются, т.-е. не патріарха Фотія, а развѣ лишь самихъ изобрѣтателей и распространителей этихъ рассказовъ, какъ невѣждъ, суевѣровъ и фанатиковъ. Желая очернить память Фотія, нѣкоторые изъ рассказчиковъ стараются опозорить самый родъ его: отецъ его будто бы былъ сынъ язычника (это въ IX вѣкѣ въ семьѣ близкой къ византійскому царскому двору), мать—монашенка, нарушившая свой обѣтъ, бѣжавшая изъ монастыря. Между тѣмъ изъ другихъ болѣе достовѣрныхъ источниковъ извѣстно, что Фотій происходилъ не только изъ знатнаго, но честнаго и благочестиваго рода: св. патріархъ Тарасій, предсѣдатель VI Вселенскаго собора былъ его дѣдъ по матерн, родители терпѣли преслѣдованіе за православіе во времена иконоборчества; черезъ дядю и брата онъ находился въ ближайшемъ родствѣ съ императрицей Θεодорой, возстановительницей иконопочитанія. Далѣе повѣствуется, что когда мать его еще была беременна,

она видѣла во снѣ, будто чрево ея разорвалось и изъ него вышелъ драконъ. Одинъ подвижникъ (Иларіонъ Далматскій) прямо и предсказалъ ей, что она родитъ воплощеннаго сатану; другой (Михаилъ синадскій) хотѣлъ поразить жезломъ находящагося во чревѣ ея младенца, предвѣдя, что онъ будетъ великій нечестивецъ, который различными обманами и обольщеніями многихъ увлечетъ въ крестопопрательство и лишитъ царства небеснаго. Самъ отецъ, по рожденіи Фотія, увидѣлъ на тѣлѣ его какіе то знаки, которыми по древнимъ предсказаніямъ долженъ отличатся антихристъ. Еще въ юности Фотій будто бы пристрастился къ изученію богопротивныхъ еврейскихъ и языческихъ книгъ; ради преуспѣянія въ нихъ, по наущенію еврейскаго волхва, отрекся отъ Христа и получилъ въ пособника и руководителя себѣ демона Левуфа (византійскій Мефистофель IX-го вѣка), услугами котораго пользовался и тогда, когда сдѣлался патріархомъ. Присутствовавшіе при патріаршихъ служеніяхъ Фотія будто бы свидѣтельствовали, что онъ вмѣсто тайныхъ священническихъ молитвъ читалъ предъ св. престоломъ стихи изъ языческихъ поэтовъ и при этомъ тутъ же изрыгалъ... какія то скверныя зловонныя изверженія; когда онъ во время богослуженія возвышалъ святой крестъ, прозорливые люди видѣли въ рукахъ его змѣя и т. д. О чемъ иномъ могутъ свидѣтельствовать подобные рассказы, какъ о не крайнемъ невѣжествѣ и самомъ злобномъ фанатизмѣ ихъ сочинителей??...

И при этомъ самые закоснѣлые враги Фотія не могутъ не признать того, что его личность и частная жизнь и общественное служеніе представляли необыкновенно высокія и свѣтлыя черты. Они признаютъ, что Фотій былъ человѣкъ не только высокаго ума, необыкновенной преданности наукамъ, но и безупречнаго чистаго поведенія. Они не могутъ скрыть того, что его патріаршее управленіе въ церкви константинопольской отличалось славными дѣяніями. Фотій не только распространялъ просвѣщеніе, покровительствовалъ ученымъ, самъ писалъ множество сочиненій, но и широко подъ покро-

вомъ церкви развивалъ благотворительную дѣятельность въ народѣ, устраивалъ замѣчательнѣйшія миссіонерскія предпріятія, любилъ строить церкви, монастыри, устраивать торжественныя религіозныя процессіи. Фотій имѣлъ необыкновенный даръ привязывать къ себѣ людей разныхъ общественныхъ состояній и разныхъ степеней образованія; его друзья любили его болѣе кровныхъ родныхъ; его приверженцы преданы были ему до самоотверженія; и люди, предубѣжденные противъ него и находившіеся во враждѣ съ нимъ поддавались его нравственному вліянію и привязывались къ нему, ближе узнавъ его. Фотій былъ замѣчательнѣйшій наставникъ, рѣдкій другъ, разумнѣйшій и твердый правитель. Фотию не чужды были и особенныя дары высшей духовной благодати; враждебные ему писатели описываютъ случай, какъ его молитвами спасень былъ Константинополь отъ нападенія Россовъ. Какъ все это примирить съ тѣмъ темнымъ сатанинскимъ характеромъ, который стараются приписать Фотию враги его?

Но, признавая высокія достоинства Фотія, враждебные ему писатели стараются сколько возможно менѣе говорить о нихъ: потому большая часть жизни Фотія и самыя значительныя годы его патриаршескаго управленія, самыя славныя его дѣянія оставляются у нихъ на заднемъ планѣ; или на самыя высокія качества и славные подвиги его они своими объясненіями стараются навести какія либо неблагоприятныя тѣни. И въ этомъ состоитъ едва ли не самая фальшивая сторона ихъ повѣствованій. Нѣтъ ни одного высокаго качества, нѣтъ ни одного славнаго дѣянія Фотія, на которое бы враждебные ему писатели не наводили мрачной тѣни разными испуаціями. Признавая умъ Фотія и его необыкновенныя познанія, они стараются представить, что этотъ умъ имѣлъ превратное направленіе, что эта мудрость была изменнаго мірскаго характера, что она состояла лишь въ изученіи свѣтскихъ и преимущественно вредныхъ и богопротивныхъ наукъ, что и почерпалась она изъ темнаго бѣсовскаго источника, и что ученіе Фотія имѣло неправославное

еретическое направлѣніе. Описывая его необыкновенную преданность наукамъ, они стараются все это объяснить изъ тщеславія. Описывая щедрую его благотворительность, объясняютъ ее лишь желаніемъ привлечь къ себѣ народъ. Описывая широкую миссіонерскую дѣятельность, построеніе имъ церквей и монастырей, и это все объясняютъ тщеславіемъ, славолубіемъ. Признавая за Фотіемъ необыкновенный даръ привязывать къ себѣ учениковъ, подчиненныхъ, друзей, даже враговъ, объясняютъ это лестью, приманками, иногда принужденіями, заклятіями, даже чарами. Не сказывается ли и въ этомъ вѣрная степень закоренѣлаго злостнаго предубѣжденія противъ Фотія?

Но описывая нехотя и со всякими оговорками и психуаціями доблести Фотія, враги его являются чрезвычайно ревностными и словоохотливыми, когда дѣло доходитъ до изображенія его темныхъ будтобы качествъ и дурныхъ дѣлъ. Высокомѣріе, честолюбіе, интриганство, дерзость, лживость, жестокость, тиранство—вотъ пороки, въ которыхъ преимущественно обвиняютъ Фотія. Всѣ эти обвиненія однакожь при близкомъ разсмотрѣніи оказываются или совершенно голословными, бездоказательными, или основываются на крайнемъ искаженіи, преувеличеніи фактовъ или на приписываніи Фотію такихъ дѣйствій, которыя вовсе не имъ, даже вопреки его желаніямъ, были совершаемы *.

И во всемъ этомъ представляется множество противорѣчій, прямо показывающихъ намѣренную, но недовольно обдуманную и соглашенную поддѣлку фактовъ. Противорѣчія при описаніи жизни Фотія у его враговъ встрѣчаются, можно сказать, на каждомъ шагу, и противорѣчія всякаго рода. Противорѣчія въ разности показаній объ извѣстномъ фактѣ у нѣсколькихъ писателей, выдающихъ себя за очевидцевъ или

---

* На все это, какъ и на другія положенія, кратко здѣсь высказываемыя, представлены будутъ подробныя подтвержденія и разъясненія въ отдѣльномъ изданіи Рѣчи.

ближайшихъ свидѣтелей факта, факта притомъ простаго и нагляднаго, который не можетъ двумъ свидѣтелямъ одновременно представляться въ двухъ различныхъ видахъ. Противорѣчія у одного и того же писателя при описаніи частныхъ подробностей извѣстнаго факта. Противорѣчія у нѣсколькихъ писателей въ объясненіи внутреннихъ мотивовъ или причинъ извѣстнаго факта. Противорѣчія въ освѣщеніи совершенно однородныхъ фактовъ съ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія. Въ особенности много этихъ противорѣчій сказывается въ описаніи самыхъ важныхъ и самыхъ запутанныхъ фактовъ Фотіевой исторіи: перваго вступленія Фотія на патриаршій престолъ при императорѣ Михаилѣ и перваго низложенія его съ престола въ началѣ царствованія Василія Македонскаго, возстановленія его на престолѣ тѣмъ же императоромъ Васишемъ Македонскимъ и вторичнаго низверженія при сынѣ его императорѣ Львѣ.

Но отчего же до насъ дошли писанія и свидѣтельства о Фотіѣ только отъ лицъ, враждебныхъ ему или имѣвшихъ особенныя побужденія говорить о немъ дурно? У Фотія, по сознанію самыхъ враговъ его, было очень много приверженцевъ. У него было много друзей въ высшей церковной іерархіи, готовыхъ не только защищать его противъ обвиненій враговъ, но и страдать за него, подвергаться порицаніямъ и проклятіямъ, идти въ ссылку, терпѣть гоненія въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. И это были самые образованные люди того времени—Григорій Сиракузскій, Захарія халкидонскій, Георгій никомидійскій, Амфилохій визическій, Θεодоръ евхатскій, Θεοφανъ кесарійскій, Прокопій кесарійскій и другіе. У Фотія было много учениковъ, преданныхъ ему; къ числу ихъ принадлежали напримѣръ такія личности, какъ просвѣтитель славянъ—Константинъ философъ—*eius fortissimus amicus*. За Фотіемъ шелъ рядъ преемниковъ—константинопольскихъ патриарховъ, почитавшихъ его, какъ величайшаго учителя церкви, сильнѣйшаго поборника православія, каковы были изъ близкихъ къ нему по времени Николай

Мистикъ, Сергій, Сисиній, и другіе. Отчего же никто не взялъ на себя труда оправдать память Фотія отъ тѣхъ нареканій, какія оставили на ней его враги?...

Этотъ вопросъ какъ бы самъ собою напрашивается, при разсмотрѣніи источниковъ Фотіевой исторіи. Но отвѣчать на него очень трудно... Отчего?... Бываютъ историческія случайности: люди, которымъ казалось бы всего ближе оставить въ исторіи память объ извѣстномъ лицѣ или фактѣ,—они то и молчатъ о немъ... Можетъ быть, почитателямъ и приверженцамъ Фотія, современнымъ и близкимъ къ его времени, дѣла и значеніе Фотія представлялись столь широкими, что они не рѣшались братья за описаніе ихъ. Можетъ быть, они, готовые страдать за него и открыто свидѣтельствовать о немъ на соборахъ, составлявшихся по его инициативѣ и противъ него, не хотѣли становиться на общую почву съ врагами, писавшими вдали и заочно свои доносы и пасквили противъ него? Можетъ быть, эти доносы и пасквили въ свое время и не были извѣстны образованнѣйшимъ приверженцамъ и почитателямъ Фотія, или представлялись имъ не заслуживающими вниманія? А, можетъ быть, иные изъ приверженцевъ и почитателей Фотія и писали о немъ свои отзывы и воспоминанія, но писанія ихъ не сохранились до насъ или остаются не обнародованными? Отчего?.. Это, можетъ быть, нѣсколько уяснится для насъ, когда мы рассмотримъ исторію еще другихъ особаго рода памятниковъ, сообщающихъ показанія о жизни Фотія.

Здѣсь замѣтимъ только то, что хотя отъ приверженцевъ и почитателей Фотія не сохранилось большихъ сочиненій—подробныхъ разсказовъ о немъ, но сохранились по крайней мѣрѣ нѣкоторыя рѣчи, произнесенныя ими на соборѣ 869—870 годовъ, судившемъ Фотія, и на соборѣ 879—880 гг., собранномъ подъ предсѣдательствомъ самого Фотія во второе его патріаршество. Таковы рѣчи Захаріи халкидонскаго и Евсхемена кесарійскаго на первомъ соборѣ и того же Захарія халкидонскаго и Прокопія кесарійскаго на второмъ. Рѣчи

эти не велики; въ особенности на соборъ 869 г. они были прерываемы и заглушаемы противниками Фотія, приче́мъ и сами ораторы, пропозисившіе ихъ, подвергались насиліямъ; но въ нихъ, равно какъ и въ рѣчахъ самого Фотія на соборъ 879 года, многіе самыя важныя факты его затемненной исторіи, освѣщаются совершенно иначе, чѣмъ въ показаніяхъ его противниковъ. Поэтому ихъ необходимо принимать во вниманіе для противовѣса этимъ послѣднимъ.

Перейдемъ теперь къ обзорѣнню другихъ источниковъ исторіи Фотія.

Кромѣ показаній современниковъ и близкихъ событіямъ писателей, сообщающихъ такіе или другіе отзывы о Фотіѣ, до насъ дошелъ повидимому очень важный источникъ свѣдѣній для Фотіевой исторіи: это официальная переписка о Фотіѣ между римскою церковью и константинопольскимъ правительствомъ: письма римскихъ папъ—Николая 1-го, Адриана 2-го, Іоанна 8-го и Стефана 5-го, писанныя въ Константинополь по поводу перваго и втораго вступленія Фотія на патріаршій престолъ и перваго и втораго изложенія его,—и письма императоровъ константинопольскихъ Михаила 3-го, Василя Македонскаго и Льва философа, обращавшихся къ папамъ по этимъ случаямъ (о письмахъ самого Фотія будемъ говорить особо). Указанный источникъ какъ будто довольно обременъ, и западные изслѣдователи исторіи Фотія очень много имъ пользуются. Но при нѣкоторомъ разсмотрѣннн, этотъ источникъ вызываетъ также много недоумѣній. 1) Корреспонденція между Римомъ и Константинополемъ представляется далеко не равномерною. Именно: писемъ папскихъ съ разными порицаніями и прещеніями противъ Фотія до насъ сохранилось много; но изъ писемъ императоровъ константинопольскихъ остались извѣстными только тѣ, которыя вторятъ порицаніямъ и прещеніямъ папскимъ. Тѣ же, которыя защищаютъ дѣло Фотія и интересы церкви восточной, и которыхъ было очень много, безслѣдно пропали или остаются

необнародованными, такъ что лишь нѣкоторыя свѣдѣнія о содержаніи ихъ мы можемъ получить изъ тѣхъ же писемъ папскихъ, писанныхъ въ отвѣтъ. Случайность ли это или намѣренная тенденція: но во всякомъ случаѣ такое положеніе дѣла ставить въ большое затрудненіе историка, желающаго безпристрастно изслѣдовать событія, на основаніи правила—*audiatur et altera pars*. 2) Вѣрности тѣхъ свѣдѣній, которыя мы находимъ въ письмахъ папскихъ относительно содержанія не дошедшихъ до насъ писемъ константинопольскихъ, мы никакъ не можемъ довѣрять: такъ какъ изъ самыхъ же писемъ папскихъ мы видимъ, что они отвѣчаютъ своимъ константинопольскимъ корреспондентамъ весьма пристрастно и одно-сторонне, письма, присылаемые къ нимъ, толкуютъ въ такомъ смыслѣ, въ какомъ угодно имъ,—выставляютъ на видъ въ ихъ содержаніи только тѣ стороны, которыя представляются важными для ихъ интересовъ,—отвѣчаютъ лишь на нѣкоторые пункты константинопольскихъ писемъ, а другіе важные пункты, почему либо не нравящіеся имъ, оставляютъ совсѣмъ безъ отвѣта, или вмѣсто отвѣта на поставленный вопросъ приплетаютъ къ дѣлу матеріи, неотносящіяся къ нему; иногда наполняютъ свои письма только высококомѣрнымъ ругательствами и непоумѣрными притязаніями. 3) Къ историческимъ фактамъ въ своихъ письмахъ папы относятся крайне безцеремонно: не только относительно давно мпнувшей исторіи они утверждаютъ то, чего въ ней не было, но и живыхъ лицъ, съ которыми переписываются, они иногда стараются увѣрить, будто они дѣлали то, чего тѣ вовсе не дѣлали. 4) Вообще историческаго содержанія и характера папскія письма имѣютъ очень мало; ихъ характеръ преимущественно догматическій—католико-догматическій. Это не просто историческіе документы, но декреты, въ которыхъ папы, прикрываясь авторитетомъ божественнаго права, мало заботятся о простой человѣческой правдѣ. Большая часть содержанія папскихъ писемъ, относящихся къ данному времени и предмету, наполнена общими разсужденіями о величіи римской каеэдры,

о необычайности дарованныхъ ей чрезъ апостола Петра привилегій, о томъ, что эти привилегіи—основаніе всего церковнаго права, и потому декреты, исходящіе отъ римскаго престола, должны быть исполняемы во всей вселенной, и противиться этимъ декретамъ—величайшее нечестіе и преступленіе, а возставать противъ авторитета апостольской кафедры, позволять себѣ вторгаться въ привилегіи римской церкви и судить преемника апостола Петра—невѣроятное безуміе, неслыханная дерзость ...и т. п. Поэтому брать письма папъ, какъ серьезный историческій матеріалъ для разъясненія фактовъ, которыхъ они иногда вскользь и съ своей точки зрѣнія касаются, весьма ненадежно. Они представляются интересными для исторіи въ другомъ отношеніи. Они даютъ отличную характеристику самого папства въ данное, очень важное для развитія ложной папистической системы время, и въ частности характеризуютъ каждого изъ упомянутыхъ папъ—Николая 1-го, Адріана 2-го и Іоанна 8-го тѣми именно чертами, какія подмѣчены были въ нихъ и западными современниками.

Церковное движеніе, начавшееся въ то время, споры возникшіе между константинопольскою и римскою церквами, не остановились въ предѣлахъ лишь этихъ двухъ церквей,—но постепенно стали распространяться во всемъ христіанскомъ мірѣ, на востокъ и западъ. Чрезвычайно интересно и важно было бы для исторіи, еслибы до нашего времени сохранились какія-либо историческіе документы, которыми разъяснялся бы самый процессъ, какъ постепенно распространялось и развивалось папистическое направленіе на Западъ и антипапистическое на Востокъ, и какъ постепенно столкновенія этихъ двухъ направленій, перешедши съ личныхъ отношеній на общецерковную почву, произвело въ христіанскомъ мірѣ ту глубокую церковную рознь, несчастныя послѣдствія которой и теперь продолжаютъ развиваться. Но, къ сожалѣнію, документовъ для разъясненія этого важнаго вопроса до насъ почти не сохранилось.

Еще большее значеніе, чѣмъ оффиціальная переписка между константинопольскими императорами, римскими папами, восточными патріархами и другими лицами, имѣвшими отношенія къ Фотію, могли бы имѣть для насъ акты и опредѣленія церковныхъ соборовъ, бывшихъ тогда. Во время патріаршества Фотія и въ большей или меньшей связи съ его исторіей, было много соборовъ въ Константинополѣ, въ Римѣ и въ другихъ мѣстахъ на Востокѣ и Западѣ. На церковныхъ соборахъ обыкновенно составлялись или подробныя записи (акты, протоколы), о происходившемъ, сказанномъ, читанномъ, постановленномъ, или по крайней мѣрѣ краткія опредѣленія о дѣлахъ, подлежащихъ разсмотрѣнію собора. Если бы отъ всѣхъ соборовъ того времени сохранились до насъ подробныя акты или хотя краткія опредѣленія: какая широкая картина исторической жизни открылась бы здѣсь передъ нами, какая живая характеристика главныхъ дѣятелей, направленій, стремленій и столкновеній, сколько неясныхъ запутанныхъ вопросовъ разрѣшилось бы само собою, и какъ уяснилась бы для насъ личность патріарха Фотія и значеніе тѣхъ дѣлъ, изъ которыхъ онъ боролся и противъ него боролся! Но, къ сожалѣнію, и изъ всего этого сохранилось до насъ очень немногое; и именно сохранилось главнымъ образомъ то, что опять направлено было противъ патріарха Фотія, а что исходило отъ него или совершалось подъ его руководствомъ, то или безслѣдно пропадало или въ продолженіе многихъ вѣковъ задерживалось подъ спудомъ, и если наконецъ, появлялось на свѣтъ Божій, то очень не скоро, съ большими затрудненіями и часто искаженіями. И здѣсь уже мы ясно видимъ не простую случайность, а опредѣленную тенденцію, послѣдовательно передающуюся черезъ многіе вѣка, т.-е. тенденцію, исходящую отъ римской церкви и болѣе или менѣе отражающуюся у всѣхъ почти католическихъ историковъ и издателей историческихъ памятниковъ, а за ними и у другихъ новыхъ писателей.

Прежде всего намъ извѣстны три собора, бывшіе въ Константинополѣ при самомъ началѣ Фотіева патріаршества: соборъ въ присутствіи императора Михаила, царскихъ сановниковъ и многихъ епископовъ по поводу избранія Фотія на константинопольскій престолъ и два собора, происходившіе вѣроятно въ слѣдовавшемъ 858 или 859 году,—въ церкви св. Ирины, гдѣ приверженцы удаленнаго патріарха Игнатія въ первый разъ отдѣлились отъ церковнаго общенія съ Фотіемъ и произнесли на него анаѹему,—и въ церкви св. Апостоловъ, гдѣ Фотій въ свою очередь предалъ отлученію возмущившихся противъ него Игнатіанъ, формальнымъ опредѣленіемъ закрѣпивъ и изложеніе самого Игнатія, именемъ котораго дѣйствовали возмутители церковнаго порядка. Никакихъ подлинныхъ документовъ отъ этихъ соборовъ до насъ не дошло, хотя и есть основанія предполагать, что по крайней мѣрѣ на послѣднемъ изъ нихъ такіе документы были составлены. И объ этой уtratѣ нельзя не пожалѣть: потому что, еслибы сохранились подлинныя документы помянутыхъ соборовъ, для насъ вопросъ о первомъ избраніи Фотія на патріаршество не представлялъ бы тѣхъ запутанностей, какія онъ теперь представляетъ, и для насъ яснѣе были бы и характеръ и взаимныя отношенія и самая внѣшняя численность вступившихъ тогда въ борьбу константинопольскихъ партій.

Далѣе идутъ большіе и очень важныя соборы, собиравшіеся въ Константинополѣ подъ предсѣдательствомъ патріарха Фотія въ дальнѣйшіе годы его перваго патріаршества: 1) Соборъ 861 г.—въ церкви свв. Апостоловъ, въ присутствіи 318 епископовъ (въ томъ числѣ двухъ папскихъ легатовъ—Родоальда и Захаріи), созванный для испроверженія остатковъ иконоборческой ереси, для установленія правилъ церковной дисциплины, нужныхъ при тогдашнемъ состояніи церкви константинопольской, и между прочимъ для подтвержденія изложенія патріарха Игнатія, которое постановлено было уже на предшествовавшемъ соборѣ, но которое оказалось нужнымъ подтвердить въ присутствіи папскихъ легатовъ потому, что при-

верженцы Игнатія на изложение его желали апеллировать къ папскому суду, и этимъ смущали народъ. 2) Соборы, созванные Фотіемъ въ 866 и 867 гг. для осужденія злоупотребленій, обнаружившихся въ христіанствѣ со стороны папства, неправильныхъ дѣйствій папскихъ миссіонеровъ въ новообращенной Болгаріи и папскаго деспотизма въ западныхъ церквяхъ, на который жаловались Фотію нѣкоторые изъ западныхъ епископовъ. На этихъ соборахъ несомнѣнно составлялись подробные акты. Списки съ нихъ съ императорскими посланными представлялись въ Римъ, а подлинники хранились въ Константинополѣ. Содержаніе этихъ актовъ несомнѣнно представляло важнѣйшіе документы не только для исторіи Фотія, но и вообще для исторіи христіанства: такъ какъ оно касалось перваго важнѣйшаго момента столкновеній христіанскаго Востока съ Западомъ, изъ которыхъ потомъ вышло многовѣковое раздѣленіе церквей. Но такъ какъ эти документы были очень непріятны папству, то они и сожжены были сначала въ спискахъ въ Римѣ, потомъ при полученной папствомъ возможности и въ подлинникахъ въ Константинополѣ.

По изложеніи Фотія императоромъ Васи́лемъ Македонскимъ, созванъ былъ въ Константинополѣ новый соборъ въ 869—870 гг. На этомъ соборѣ дѣйствовали враги Фотія: римскіе легаты, присланные папою Адрианомъ 2-мъ, сановники императора, изложившаго Фотія, подставные мѣстоблюстители восточныхъ патріарховъ, наиболѣе ярые представители партіи, приверженной къ патріарху Игнатію, и самъ престарѣлый Игнатій, возвращенный на патріаршество и сильно въ это время возбужденный и настроенный противъ Фотія. Члены собора старались разыскивать всевозможныя обвиненія противъ Фотія, но такъ какъ эти обвиненія оказывались неясными и бездоказательными, довольствовались тѣмъ, что во всякомъ засѣданіи осыпали Фотія ругательствами и проклятіями, расточая самые пышные и льстивые панегирики папамъ Николаю и Адриану, императору Васи́лю, и гораздо въ

меньшей степени патриарху Игнатію. Нѣкоторые изъ преданныхъ Фотію епископовъ пытались защищать его, но имъ не давали говорить, осыпали ихъ бранью и прогоняли съ собора. Самъ Фотій, двукратно вызванный на соборъ, зная, что его уже прежде всякихъ изслѣдованій рѣшили осудить, большею частью ничего не отвѣчалъ на предъявляемые ему вопросы, и на увѣщанія къ раскаянію отвѣчалъ лишь то, что его обвинители и судьи сами должны были бы раскаяться въ несправедливости противъ него. Фотія подвергли страшнымъ проклятіямъ, запечатлѣли ихъ кощунственными подписями, омочивъ пещую трость въ евхаристическую кровь Христову; затѣмъ низложили епископовъ и клириковъ большею частию оставшихся вѣрными ему (разославъ потомъ многихъ изъ нихъ въ ссылку, а самого Фотія подвергнувъ тягчайшему заточенію), и сожгли множество отобранныхъ у него важныхъ документовъ и рукописей. Вотъ дѣянія этого собора сохранились до насъ, хотя и нѣсколько разъ угрожала имъ опасность быть уничтоженными—сохранился въ разнообразныхъ редакціяхъ, въ пространныхъ и краткихъ изложеніяхъ. И они у западныхъ историковъ считаются важнѣйшимъ памятникомъ для исторіи Фотія, какъ и самый соборъ, совершившій эти дѣянія ставится на западѣ очень высоко и осыпается всякими восхваленіями. Впрочемъ и на этомъ соборѣ было одно засѣданіе, на которомъ спорный между римскою и константинопольскою церквами вопросъ о церкви болгарской рѣшенъ былъ не въ пользу римской церкви. Описание этого послѣдняго засѣданія не вошло въ соборные акты, и намъ извѣстно о немъ уже изъ посторонняго источника.

По возвращеніи Фотія на патриаршество, былъ въ Константинополѣ новый соборъ — съ ноября 879 г. по мартъ 880 г. Этотъ соборъ, какъ сознаются и неблагопріятствующіе Фотію западные писатели, и по внѣшней своей торжественности и по внутреннему характеру и значенію, составлялъ какъ бы триумфъ патриаршествованія Фотіева. Онъ созванъ былъ для восстановленія мира церковнаго, поколе-

бленнаго въ константинопольской церкви волненіями противо-
фотіанской партіи и дѣяніями собора 869 года, поколеблен-
наго во всемъ христіанствѣ незаконными нововведеніями и
притязаніями папства. На этомъ соборѣ Фотію удалось до-
стигнуть замѣчательныхъ результатовъ: 1) представителями
всѣхъ христіанскихъ церквей, и самой римской церкви, онъ
торжественно признанъ былъ законнымъ патриархомъ и вели-
кимъ учителемъ церковнымъ; 2) партія, противодѣйствовавшая
ему въ Константинополѣ, оказалась совершенно ничтожною,
и послѣдніе остатки ея были осуждены какъ восточными, такъ и
западными представителями; 3) соборъ, осудившій Фотія въ
869 г., признанъ былъ незаконнымъ, лишеннымъ всякаго зна-
ченія и отвергнутъ какъ восточными епископами, такъ и ле-
гатами римскаго папы; 4) для предупрежденія нововведеній
и измѣненій въ самой православной вѣрѣ, положено утвер-
дить во всѣхъ церквахъ признаніе седми вселенскихъ собо-
ровъ, и въ символѣ вѣры, составленномъ первыми двумя со-
борами, не дѣлать никакихъ прибавленій и убавленій, измѣненій
и поврежденій. Это—все то, чего могъ только желать тогда
патриархъ Фотій. Постановленія собора 879—880 гг. утверж-
дены были подписями византійскаго императора „охранителя
православія“ и православныхъ представителей христіанскаго
міра, въ томъ числѣ легатами римской церкви... И еслибы всѣ
церкви, которыхъ представители подписались подъ этими со-
борными актами, остались вѣрны постановленному на со-
борѣ, не совершилось бы разрыва церквей, и имя патриарха
Фотія, какъ великаго охранителя православія и церковнаго
миротворца, единодушно восхвалялось и прославлялось бы
во всемъ христіанскомъ мірѣ, какъ восхвалялось и просла-
влялось оно на самомъ соборѣ 879—880 гг... Но въ рим-
ской церкви не признанъ былъ этотъ соборъ, вслѣдствіе по-
бужденій мелкихъ и своекорыстныхъ, — и миръ церковный
разорвался, — и остается разорваннымъ до настоящаго вре-
мени... Вина въ томъ не останется на памяти великаго дѣя-
теля церковнаго, старавшагося до послѣдней возможности

предотвратить этот разрывъ. И историческій памятникъ его послѣднихъ усилій къ охраненію обще-христіанскаго міра (т.-е. акты собора 879—880 гг.) навсегда останется памятникомъ и его великаго личнаго значенія въ исторіи, котораго не поколеблютъ никакія клеветы, никакія недоразумѣнія.

Понятное дѣло, какъ же и непріятель долженъ быть этотъ памятникъ для той части христіанскаго міра, которая не приняла собора 879—880 гг.! И удивительнымъ въ настоящемъ случаѣ представляется еще то, какъ эта часть христіанскаго міра, въ продолженіи многихъ вѣковъ преобладавшая и управлявшая въ важнѣйшихъ дѣлахъ науки и исторіи, попустила уцѣлѣть этому памятнику до настоящаго времени? Кажется, всего скорѣе нужно было бы ожидать, что и этотъ памятникъ (т.-е. акты собора 879—880 гг.) подвергнется той же участи, какой, мы видѣли, подверглась большая часть важныхъ историческихъ документовъ, благопріятныхъ для патріарха Фотія и неблагопріятныхъ для его противниковъ,— какъ акты соборовъ 861 и 867 гг.; письма, писанныя въ пользу Фотія византійскими императорами, восточными патріархами и т. д. Но къ счастью, въ исторіи и самымъ предусмотрительнымъ и искуснымъ людямъ не всегда удается сдѣлать то, чего бы они желали. Списки соборныхъ актовъ 879—880 гг. во множествѣ экземпляровъ распространились по разнымъ странамъ христіанскаго міра, и противникамъ Фотія—папистамъ послѣ 880 г. уже ни однажды не приходилось въ Константинополь, и вообще на Востокъ, распоряжаться такъ, какъ они распоряжались въ 869 г.; непріятные для папства соборные акты остались во многихъ старыхъ архивахъ и библіотекахъ. Ученые, ревнители папства пытались другими способами затмить въ исторіи память этого собора. Пытались, сколько возможно, не выпускать этихъ актовъ изъ старыхъ архивовъ и библіотекъ — не опубликовать ихъ. Пытались заподозривать самое существованіе собора, пускали въ ходъ мнѣніе, что этотъ соборъ всецѣло былъ измышленъ самимъ Фотиємъ, или, если онъ и происхо-

дѣлъ на самомъ дѣлѣ, то не такъ, какъ это представляется въ актахъ, которые будто бы во всемъ составѣ своемъ сочинены Фотіемъ. Пытались въ особенности заподозривать тѣ засѣданія собора, на которыхъ состоялось подтвержденіе неприкосновенности древняго символа вѣры, и такимъ образомъ косвенно отвергнуто было западное *Filioque*. Затѣмъ, когда памятникъ этотъ былъ уже обнародованъ, и стало невозможно поддерживать такія крайнія мнѣнія о немъ, стали нападать на отдѣльныя частности, заподозривать подлинность нѣкоторыхъ документовъ, входящихъ въ составъ памятника, заподозривать подписи, находящіяся подъ нимъ, указывать на разности редакцій въ различныхъ спискахъ, нападать на панегирической тонъ соборныхъ актовъ по отношенію къ Фотію и т. д. Но всѣ эти предубѣжденія мало-по-малу разсѣиваются, и новымъ даже и католическимъ ученымъ, чѣмъ болѣе внимательно они всматриваются въ указанный памятникъ, тѣмъ болѣе приходится отказываться отъ прежнихъ крайнихъ мнѣній, и приходитъ къ признанію значенія собора 879—880 гг. и важности его актовъ для разъясненія исторіи Фотія.

Кромѣ соборовъ константинопольскихъ, имѣвшихъ прямое и непосредственное отношеніе къ исторіи Фотія, въ большемъ или меньшемъ соприкосновеніи съ этою исторіей—намъ извѣстно и еще нѣсколько соборовъ, бывшихъ въ то время въ другихъ церквахъ западныхъ и восточныхъ. Но отъ нихъ осталось очень мало историческихъ документовъ.

Такъ намъ извѣстны три римскіе собора, созванные папами по дѣлу о занятіи Фотіемъ константинопольскаго престола: 1) соборъ 863 г. при папѣ Николаѣ, на которомъ въ первый разъ отвергнута была въ Римѣ законность Фотіева патріаршества, Фотій преданъ анаемѣ, и положено начать дѣятельную агитацію противъ него предъ константинопольскимъ правительствомъ, клиромъ, и въ другихъ восточныхъ церквахъ; 2) соборъ 869 года при папѣ Адріанѣ 2-мъ, на которомъ воспользовавшись политической опалой, постигшею

Фотія отъ новаго императора Василя, въ Римъ спѣшили торжественно закрѣпить и его церковное осужденіе, уничтожить замѣчательнѣйшіе памятники его патріаршей дѣятельности, и приготовить уполномоченныхъ для болѣе торжественнаго повторенія и подтвержденія римскихъ приговоровъ и дѣйствій въ самомъ Константинополѣ — на соборѣ, который въ качествѣ новаго вселенскаго собора и созванъ императоромъ Василемъ въ томъ же 869 году; и 3) соборъ 879 г. — при папѣ Іоаннѣ VIII-мъ въ совершенно противоположномъ направленіи, на которомъ въ виду измѣнившихся обстоятельствъ, возвратившагося къ Фотію благоволенія византійскаго императора и особенныхъ расчетовъ, которыхъ папа надѣялся достигнуть чрезъ сближеніе съ Византіей, положено было войти въ общеніе съ Фотіемъ, навсегда отвергнутымъ и проклятымъ въ римской церкви при прежнихъ папахъ, отвергнуть и уничтожить приговоры, прежде постановленные противъ него, и закрѣпить союзъ съ нимъ на новомъ константинопольскомъ соборѣ, который потомъ и открылся въ концѣ 879 г. Отъ этихъ трехъ римскихъ соборовъ сохранились нѣкоторые документы, — но немногіе и притомъ такіе, о которыхъ можно сказать лишь то, что они, какъ и письма папскія, писанныя въ то время въ Константинополь, не столько уясняютъ обстоятельства Фотіевой исторіи, сколько характеризуютъ тенденціи папства и свойства его представителей въ то время.

Было еще на западѣ нѣсколько соборовъ по поводу полемики, возбужденной Фотіемъ противъ папства, по поводу обличенія имъ неправильныхъ нововведеній, распространившихся въ западныхъ церквахъ. Но объ этихъ соборахъ сохранились очень немногія и очень неудовлетворительныя свѣдѣнія — вѣроятно потому, что и сами распространители и попустители церковныхъ нововведеній на западѣ въ то время не давали себѣ яснаго отчета въ ихъ смыслѣ и происхожденіи.

Есть основанія предполагать, что и на востокѣ — въ странахъ, уже подчиненныхъ магометанскому господству, по дѣ-

ламъ, касавшимся Фотія, и вопросамъ, возбужденнымъ имъ, было нѣсколько церковныхъ соборовъ: но отъ нихъ не дошло никакихъ документовъ, и о нихъ не сохранилось никакихъ ясныхъ свѣдѣній.

Восходя въ обзорѣннѣ источниковъ Фотіевой исторіи все выше и выше, отъ писаній и памятниковъ наименѣе достоверныхъ къ болѣе твердымъ и значительнымъ, мы должны наконецъ сказать объ источникѣ самомъ важномъ. Это—собственныя письма и сочиненія Фотія. Несомнѣнно и всеми признано, что при изученіи всякаго историческаго и литературнаго дѣятели наилучшій источникъ—его переписка, особенно интимная и не преднамѣренная, если она притомъ касается разнообразныхъ отношеній жизни и дѣятельности этого лица; а также его литературныя произведенія, въ которыхъ невольно отражается и внутренній міръ наполнявшихъ писателя идей и интересовъ, и внѣшніе его приемы, отношенія и характеристическія свойства. Исслѣдователи исторіи патріарха Фотія, кажется, могли бы находиться въ этомъ отношеніи въ самомъ благопріятномъ положеніи, и повидимому остается только удивляться, какъ мало они доселѣ пользовались этимъ положеніемъ.

Указанный источникъ — чрезвычайно обильный и разнообразный. Одни письма Фотія составляютъ такой обширный сборникъ, который объемомъ своимъ, пожалуй, превосходятъ все другіе, вмѣстѣ взятые, источники свѣдѣній о немъ. Писемъ Фотія напечатано болѣе 260: между тѣмъ и теперь не только нельзя имѣть увѣренности, что уже все его письма сдѣлались пзвѣстны, но напротивъ можно имѣть увѣренность, что многія изъ нихъ уничтожились и случайно и по особеннымъ стараніямъ его враговъ, а другія можетъ быть еще и существуютъ, но остаются необнародованными. Между напечатанными письмами Фотія есть такія, которыя составляютъ цѣлыя богословскіе и нравственные трактаты, и имѣютъ очень важное значеніе не только для исторіи Фотія, но и для исто.

ри вообще. Письма эти чрезвычайно разнообразны. 1) Они разнообразны по составу и положеніямъ лицъ, къ которымъ были писаны: здѣсь мы встрѣчаемъ царей (Михаила и Василія византійскихъ, Бориса болгарскаго, Ашота армянскаго), восточныхъ патріарховъ (Евстафія, Θεодосія), римскихъ папъ (Николая I, Іоанна VIII), множество митрополитовъ, епископовъ, игуменовъ — правителей монастырей и простыхъ монаховъ отшельниковъ, знатныхъ придворныхъ сановниковъ, правителей народа и простыхъ мірянъ, — лицъ близкихъ Фотію родныхъ, друзей и враговъ его, покровителей и преслѣдователей. 2) Письма также очень разнообразны и по положеніямъ писавшаго лица, — Фотій писалъ ихъ и на верху славы и величія, и въ тяжкомъ заточеніи, подъ гнетомъ проклятій и преслѣдованій. 3) Необыкновенно разнообразны и предметы писемъ: въ однихъ Фотій раскрываетъ высокіе догматы вѣры, начертываетъ правила христіанской нравственности, рѣшаетъ запутаннѣйшіе вопросы церковной практики, объясняетъ труднѣйшія мѣста Священнаго Писанія; въ другихъ говоритъ о своемъ личномъ положеніи и ближайшимъ образомъ входитъ въ разнообразныя положенія лицъ, къ которымъ пишетъ, утѣшаетъ родныхъ и друзей, наставляетъ учениковъ и отверженцевъ, споритъ съ разномыслящими, обличаетъ неправово живущихъ, жестокихъ, несправедливыхъ, развращенныхъ, предостерегаетъ высокоумныхъ и упорныхъ, подкрѣпляетъ колеблющихся и падшихъ и т. д. 4) Замѣчательно разнообразенъ и самый внѣшній тонъ писемъ Фотія — то пламенный и даже рѣзкій, то важный и спокойный, то задумчиво простой, нѣжный и умиленный, то тонко-ироническій, то простодушно-шутливый, — тонъ не только въ разныхъ письмахъ, но иногда въ одномъ и томъ же письмѣ нѣсколько разъ мѣняющійся, сообразно съ оттѣнками настроенія писавшаго, и въ особенности сообразно съ положеніемъ, свойствами и духовными нуждами лицъ, къ которымъ писалось, а также съ предметами и цѣлями писанія. Но, при всемъ этомъ разнообразіи, во всѣхъ письмахъ Фотія, — начиная отъ

писемъ къ самымъ важнымъ особамъ, въ которыхъ онъ раскрываетъ высокія истины вѣры, правила нравственности, или даетъ мудрыя политическія совѣты, до самыхъ простыхъ обыкновенныхъ писемъ въ родѣ напримѣръ того, въ которомъ онъ благодаритъ простаго монаха пустынника (Зосиму) за присылку ему деревенскихъ гостинцевъ—каштановъ и грибовъ,—отражаются однѣ и тѣ же привлекательныя нравственныя черты: не только умъ высокій, тонкій, обогащенный самыми разнообразными свѣдѣніями, часто игривый въ выраженіи, но всегда серьезный и твердый въ основномъ настроеніи, но и сердце горячее, вѣжное,—характеръ ласковый, любезный и вмѣстѣ съ тѣмъ твердый и прямой,—глубокое благочестіе, непоколебимая при всякихъ случаяхъ преданность волю Божіей, горячая ревность о вѣрѣ и церкви, преданность своему долгу и положенію, внимательность къ подчиненнымъ, заботливость о пасомыхъ и т. д. Вообще: въ письмахъ своихъ Фотій является совсѣмъ не такимъ, какимъ старались изображать его давніе злостные враги, и позднѣйшіе предубѣжденные писатели. Какой богатый источникъ для изученія необыкновеннаго по своимъ духовнымъ свойствамъ лица и замѣчательнѣйшаго историческаго дѣятеля! И какъ мало еще и доселѣ этимъ источникомъ пользуются изслѣдователи Фотіевой исторіи, нѣсколько вѣковъ пробавляющіеся главнымъ образомъ жалкими и сомнительными разсказами Митрофановъ, Стиліановъ, Анастасіевъ и Никитъ!

Подобное же нужно сказать и вообще о сочиненіяхъ Фотія. Многочисленность, многосодержательность и чрезвычайное разнообразіе ихъ всегда приводили въ изумленіе изслѣдователей, знакомившихся съ ними, и не смотря на всѣ составившіяся предубѣжденія противъ Фотія невольно привлекали къ нему сочувствіе сколько нибудь безпристрастныхъ цѣнителей. Рѣдкій изъ писателей древнихъ и новыхъ вѣковъ оставилъ послѣ себя столько сочиненій и такихъ разнообразныхъ, какъ Фотій. Между тѣмъ и здѣсь опять нужно сказать, что мы далеко не можемъ пользоваться всѣмъ, что писалъ онъ: инныя изъ его

сочиненій вѣроятно были уничтожены еще при его жизни, другія уцѣлѣли до позднѣйшихъ вѣковъ, но оставались неизданными. Не входя здѣсь въ разсмотрѣніе Фотіевыхъ сочиненій по существу, что требуетъ особеннаго и очень большаго труда, касаясь ихъ здѣсь, лишь какъ одного изъ источниковъ для разъясненія исторіи Фотія, мы должны впрочемъ отмѣтить въ нихъ ту общую черту, что внѣшнихъ фактовъ его жизни они касаются немного. Фотій былъ въ высшей степени объективенъ въ своихъ трудахъ,—т.-е. обращая вниманіе въ своихъ сочиненіяхъ исключительно на развитіе предмета по существу, онъ не любилъ примѣшивать къ главному предмету рѣчи сообщеній о себѣ и своихъ личныхъ обстоятельствахъ и отношеніяхъ. Поэтому лишь въ очень немногихъ изъ его сочиненій можно находить прямыя данныя для его біографіи. Но не говоря уже о томъ, что такое объективное отношеніе къ дѣлу само по себѣ представляетъ знаменательную характеристическую черту, совершенно противоположную увѣреніямъ тѣхъ писателей, которые главными мотивами литературной, государственной и церковной дѣятельности Фотія старались представить тщеславіе и славолубіе, и въ другихъ отношеніяхъ ознакомленіе съ сочиненіями Фотія само по себѣ, независимо отъ намѣреній писателя, должно приводить безпристрастнаго изслѣдователя къ инымъ представленіямъ о личности Фотія, нежели какія внушаются его противниками. Такъ, ознакомившись хотя сколько нибудь съ сочиненіями Фотія, нельзя уже вѣрить такимъ инсинуаціямъ его враговъ, что ученость его имѣла свѣтскій, а не духовно-богословскій характеръ, или что она имѣла еретическое, кощунно-нечестивое направленіе. Мало можно найти въ сочиненіяхъ Фотія прямыхъ опроверженій на другія обвиненія, выставленныя противъ него врагами, напримѣръ на обвиненія въ лжи, раболѣпствѣ, интриганствѣ и тиранствѣ: тѣмъ не менѣе безпристрастный читатель, знакомясь съ возвышенными идеями, стремленіями и интересами, которыми наполнена была духовная жизнь Фотія, и которая отража-

ются во всѣхъ его произведеніяхъ, едва ли также въ состояніи будетъ вѣрить, чтобы такой человѣкъ способенъ былъ къ низкой лжи, мелкому интриганству и тиранническому насилию. Поэтому то люди, основательно изучавшіе сочиненія Фотія, большею частію проникались сочувствіями и къ его личности, и приходили къ сомнѣніямъ въ справедливости тѣхъ вареканій и клеветъ, которыми загрязнена была память его давними врагами и позднѣйшими противниками.

Вотъ всѣ источники для оцѣнки личности и восстановленія правильной исторіи патріарха Фотія. Какіе выводы можемъ мы извлечь изъ представленнаго обзоренія этихъ источниковъ?

Въ виду всего, что доселѣ писано было о Фотіѣ, особенно на западѣ, не только католическими историками, но и протестантскими, а за ними и ными нашими восточными, заимствовавшимися у западныхъ, кажется, не колеблясь съ полною рѣшительностью можно высказать такой выводъ, что пора перестать излагать исторію Фотія такъ, какъ она доселѣ излагалась: т.-е. по тѣмъ источникамъ, какіе доселѣ полагались въ основаніе ея, съ тѣхъ только сторонъ, съ какихъ она доселѣ почти исключительно разсматривалась, въ томъ освѣщеніи, въ какомъ представлялись факты ея у большей части писавшихъ о Фотіѣ.

Нельзя судить о Фотіѣ по показаніямъ его враговъ, явно пристрастныхъ противъ него и имѣвшихъ особенныя побужденія порицать и чернить его, равно и по разъясненіямъ тѣхъ позднѣйшихъ предубѣжденныхъ писателей, которые имѣютъ особенную тенденцію поддерживать въ исторіи сложившееся темное представленіе о Фотіѣ, лишь измѣняя его въ отдѣльныхъ тонахъ, то преувеличивая то ослабляя въ частностяхъ, по соображеніямъ съ особенными практическими цѣлями и настроеніями времени.

Въ основаніе Фотіевой исторіи должно быть положено то, что всего прямѣе и непосредственнѣе отражаетъ его личность и жизнь—т.-е. его собственные письма и сочиненія. Пусть и не особенно много найдется здѣсь матеріала для разъясненія біографическихъ частности—внѣшнихъ фактовъ его исторіи: но здѣсь во всякомъ случаѣ откроется главное— нравственный образъ изучаемаго дѣятеля, отъ котораго такъ или иначе должно быть проведено освѣщеніе и на частные факты его жизни.

Высказанное требованіе—очень нелегкое: письма и сочиненія Фотія составляютъ нѣсколько большихъ томовъ; писаны они на трудномъ для пониманія византійско-греческомъ языкѣ, имѣютъ многія особенности въ изложеніи. Разъясненія и комментаріи позднѣйшихъ писателей, въ особенности католическихъ, т.-е. наиболѣе сплывныхъ по внѣшней эрудиціи, но пристрастныхъ тенденціозныхъ, не только не облегчаютъ работы самостоятельнаго изслѣдователя Фотіевой исторіи, но часто будутъ запутывать и затруднять его. Но все это по возможности нужно преодолѣть, идя твердымъ самостоятельнымъ путемъ, изучая дѣло по первымъ источникамъ и отрѣшаясь отъ тенденціозныхъ и искусственныхъ толкованій. Пользоваться всякими пособіями при изученіи писемъ и сочиненій Фотія, а ихъ великое множество, конечно нужно: но полагаться на нихъ можно лишь со всею осмотрительностью.

Затѣмъ, послѣ изученія собственныхъ писаній Фотія, нужно какъ можно полнѣе разсмотрѣть всѣ отрывочныя извѣстія о положительныхъ сторонахъ дѣятельности Фотія—церковно - административной, миссіонерской, благотворительной и т. д. Это также нелегко, потому что эти извѣстія разсѣяны по разнымъ источникамъ, и положительныя стороны дѣятельности Фотія у писателей, доселѣ писавшихъ его исторію, отодвинуты на задній планъ и сильно затѣнены болѣе извѣстною полемическою стороною его дѣятельности, т.-е. отношеніями его къ римской церкви и къ противоборствовавшей ему константинопольской церковной партіи. Но если мы же-

лаемъ лучше узнать, каковъ былъ Фотій самъ по себѣ и въ своихъ дѣлахъ, а не какимъ представлялся онъ лишь въ отношеніяхъ къ своимъ противникамъ, то необходимо, какъ можно полнѣе, изучить указанныя положительныя стороны его дѣятельности.

Какъ на лучшемъ источникѣ для изученія патриаршей дѣятельности Фотія съ положительной стороны изъ сохранившихся памятниковъ безъ сомнѣнія нужно остановиться внимательнѣе на актахъ константинопольскаго собора 879—880 г. Пусть памятникъ этотъ представляется съ нѣкоторыхъ сторонъ еще не вполне готовымъ для научнаго пользованія; пусть редакціи разныхъ списковъ его еще недостаточно свѣрены между собою; пусть подлинность и неповрежденность нѣкоторыхъ документовъ, относящихся къ нему, представляется пока спорною: все это касается частныхъ, которыя конечно нужно стараться выяснитъ сколько возможно точнѣе, но изъ за которыхъ не нужно останавливаться надъ констатированіемъ общей стороны дѣла. За исключеніемъ немногихъ частныхъ, общій смыслъ памятника во всѣхъ редакціяхъ его остается одинъ и тотъ же, и онъ даетъ замѣчательнѣйшее свидѣтельство какъ о направленіи церковной дѣятельности Фотія, такъ и о великомъ его умѣ, замѣчательномъ административномъ искусствѣ, необыкновенномъ вліяніи на лицъ окружающихъ, даже бывшихъ предубѣжденными противъ него и т. д.

Затѣмъ конечно и всѣхъ другихъ указанныхъ выше источниковъ, какъ они ни незначительны и пристрастны сами по себѣ, игнорировать совсѣмъ нельзя. Но нужно, какъ можно точнѣе, опредѣлить и постоянно имѣть въ виду относительное значеніе и характеръ каждаго памятника, и къ пзвѣстіямъ выходящимъ отсюда нужно какъ можно тщательнѣе прилагать обычныя требованія научно-исторической критики, т.-е. свѣрять одни пзвѣстія съ другими, провѣрять показанія менѣе значительныхъ и сомнительныхъ источниковъ по показаніямъ болѣе твердыхъ и значительныхъ, сопоставлять и

по возможности разяснять представляющіяся противорѣчія, устранять тенденціозныя преувеличенія и пикантности, брать изъ источниковъ только прямыя твердыя факты, по возможности отрѣшая ихъ отъ фальшивыхъ тенденціозныхъ освѣщеній и объясненій и т. д.

Вотъ путь, по которому—мы думаемъ—должна пойти наука въ разясненіи вопроса о личности и историческомъ значеніи патріарха Фотія. Намъ кажется, что на этотъ путь уже и склоняется мало по малу она не только у насъ на православно-востокѣ, но и на западѣ. Но далеко еще историческая наука не утвердилась на этомъ пути и не выработала ясныхъ и опредѣленныхъ результатовъ.

Дѣло это главнымъ образомъ лежитъ на нашей православно-восточной—т.-е. русской и новогреческой наукѣ. И дѣло это, мы думаемъ, вполне стоитъ того, чтобы на него направлены были соединенныя усилія не только отдѣльныхъ личностей, но и цѣлыхъ научныхъ вѣдомствъ и корпорацій.

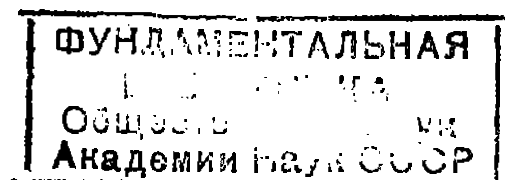
Вопросъ о Фотіѣ несомнѣнно имѣетъ важное значеніе для всего православнаго міра, не говоря уже объ особенномъ значеніи его для православнаго славянства. Мы доселѣ держимся на принципахъ Фотіевыхъ. На западѣ насъ нерѣдко называютъ Фотіанцами. И намъ незачѣмъ отказываться отъ этого названія; оно имѣетъ основанія не въ томъ конечно смыслѣ, что Фотій создалъ—вновь измыслилъ наши православныя принципы, принципы эти были искони принципами церковной жизни, но въ томъ, что Фотій съ особенною твердостью и опредѣленностью заявилъ ихъ въ своей начавшейся полемикѣ съ латинскими средневѣковыми новшествами.

Правильное разясненіе исторіи Фотія несомнѣнно имѣетъ значеніе и для всего христіанства. Со временъ Фотія начинается несчастное раздѣленіе между христіанскимъ востокомъ и западомъ, не только не теряющее своей силы, но все бо-

лѣе углубляющееся и развѣтвляющееся до настоящаго времени. Христіане разныхъ исповѣданій къ настоящему времени до того разошлись въ разные стороны и запутались въ своихъ междуцерковныхъ отношеніяхъ, что представляется необходимымъ для всѣхъ воротиться къ началу разрыва, чтобы разяснить, какая сторона здѣсь была болѣе правая, и какая менѣе, чьи принципы болѣе твердые и чистые, и чьи менѣе.

Мы имѣемъ увѣренность, что съ болѣе серьезнымъ изученіемъ исторіи Фотія людьми безпристрастными все болѣе и болѣе будетъ выясняться значеніе его личности и дѣятельности для всего христіанства. Если, за утратою и истребленіемъ многихъ памятниковъ, останутся все еще не совсѣмъ ясными и спорными вѣкоторыя стороны его личной исторіи: то во всякомъ случаѣ его истинно-православные принципы, его глубокое пониманіе потребностей и состоянія церковной жизни, его необычайная прозорливость, его горячая ревность о твердости и свѣтлости церковнаго зданія—должны получить признаніе у всѣхъ людей просвѣщенныхъ и принимающихъ къ сердцу интересы христіанства. „Да будетъ же, повторимъ слова русскаго ученаго епископа, поставленныя между епископами нашей рѣчи, да будетъ же вѣчная память сему боголюбивѣйшему святителю, сказавшему между прочимъ первое справедливое слово о Россахъ, и положившему начало обращенію ихъ въ христіанство. Вѣчная память! Αἰονία ἡ μνήμη!“

Изъ Рѣчи и Отчета Императорскаго Московскаго Университета 1892.

Москва. Универс. типогр., на Страстн. бульв. 1892 г.